

Активизация изучения русского языка в Китае после образования КНР

© 2009

А. Хохлов

Подписание в мае 1924 г. первого советско-китайского договора привело не только к нормализации дипломатических отношений с советской Россией, но и распространению знаний о ней благодаря переводам на китайский язык произведений русских классиков. Новый импульс изучению в Китае русского языка был дан в период японо-китайской войны 1937—1945 гг. Как показано в статье, особенно широкий размах движение за овладение русским языком получило в первые годы существования КНР, остро нуждавшейся в переводчиках для ознакомления и усвоения опыта приехавших из Советского Союза специалистов, работавших в области промышленного строительства, сельского хозяйства, науки и культуры.
Ключевые слова: изучение русского языка в КНР, роль Общества китайско-советской дружбы, В.Н. Рогов, русско-китайский словарь.

Потребность в знатоках русского языка в Китае впервые была обнаружена в русско-китайском Кяхтинском договоре 1727 г., предусматривавшем ведение межгосударственной дипломатической переписки между российским Сенатом и Лифанъюанем (Палатой по делам внешних сношений). Поначалу подготовка переводчиков велась цинским двором при содействии членов Пекинской духовной (православной) миссии, получившей официальное признание в том же Кяхтинском договоре. В 1861 г. при новом внешнеполитическом ведомстве Цзун-лиамэнь (Коллегии по иностранным делам) в столице была учреждена школа иностранных языков — Тунвэньгуань, в которой дети видных чиновников (преимущественно маньчжуры) изучали русский язык под руководством бывшего члена Пекинской духовной миссии А.Ф. Попова (ум. 1870).

С вводом в эксплуатацию КВЖД в крупных городах Китая вслед за Пекином появились первые китайские школы с преподаванием русского языка. Под влиянием роста внешнеэкономических связей Китая заметно возросла потребность в переводчиках, в том числе знакомых с русским языком, особенно после учреждения в 1912 г. Китайской Республики.

Первые серьезные шаги Китая в организации курсов русского языка были предприняты еще в годы антияпонской войны 1937—1945 гг. по инициативе Общества культурных связей между Китаем и Советской Россией. Они стали возможны благодаря нормализации советско-китайских отношений, характеризовавшейся возобновлением деятельности Посольства СССР в Нанкине с последующим его переездом в Чунцин вслед за китайским Центральным правительством. Как видно из сообщения журнала "Интернациональная литература" (1941. № 2. С. 244—245), к этому времени

в Центральном университете Китая, переехавшем из Нанкина в Чунцин, уже в течение двух лет работал студенческий кружок по изучению СССР и особенно русской литературы. В г. Куньмине был вскоре учрежден Юго-Западный университет, где также стал функционировать студенческий кружок по изучению советской литературы, стимулировавший распространение русского языка.

О росте интереса китайской общественности к русскому языку как средству познания соседней страны с новым общественным строем и традиционной культурой свидетельствовал факт организации (по инициативе Общества культурных связей между Китаем и Советской Россией) курсов русского языка в четырех крупных городах Юго-Западного Китая: Чунцине, Гуйяне, Гуйлине и Куньмине, где более 200 чел. специально занимались изучением русского языка, открывавшим путь к познанию характера и особенностей русской литературной классики.

Изучение русского языка в Центральном Китае в годы японской оккупации, довольно активно велось благодаря передачам советской радиостанции “Голос Родины”, работавшей в Шанхае в тесном контакте с известным журналистом, сотрудником ТАСС Владимиром Николаевичем Роговым (1906—1988) и его издательством, выпускавшим в Шанхае журнал “Шидай” (“Эпоха”)¹. Получасовые радиопередачи на русском языке начинались в 6 час. утра и шли три раза в неделю. Журнал “Шидай” называл эти передачи по-китайски “Эвэнь цзянцзо” (“Лекторий русской письменности”). Дополнением к ним служили передачи на русском языке “Последние новости”, которые велись в дневное и вечернее время: в 2 час. 45 мин., 17 час. 45 мин. и в 10 час. вечера. О содержании и организации радиовещания на русском языке позволяет служить выдержка из письма директора радиостанции В. Валина:

“Большое внимание уделяет наша радиостанция организации уроков русского языка для китайского населения. Эти уроки проводит в эфире преподаватель-китаец, получивший высшее образование в России. От радиослушателей мы получаем много писем с вопросами, касающимися изучения русского языка, что позволяет сделать вывод о том, что аудитория обучающихся русскому языку довольно многочисленная. Тексты уроков печатаются в еженедельно выходящем здесь журнале “Эпоха” [“Шидай”], и это является существенным подспорьем для лиц, [самостоятельно или в организованном порядке] изучающих русский язык” (Здесь и далее курсив мой. — А.Х.)².

Для радиопередач нередко использовались китайские переводы произведений российских писателей, издаваемые “Эпохой” с параллельным русским текстом, облегчавшим знакомство читателей с языком оригинала. Примером такого рода пропаганды русской классики и ее языка может служить китайский текст рекламы, сопровождавшей ранние произведения А.М. Горького в китайском переводе с рекомендацией их читателям. Так, в журнале “Шидай” (1947. № 5) публикация китайского перевода рассказа М. Горького предварялась такой рекламой-рекомендацией: “Это — прекрасный спутник для изучения и прочтения образцов русской письменности”, “Справочник для занимающихся [обратным] переводом”, благодаря чему публикуемые “рассказы могут служить учебным пособием” для занимающихся русским языком.

Более важным инструментом изучения русского языка служил для китайцев при начальном с ним знакомстве учебник русского языка. Один из них представлен в двух номерах журнала “Шидай”, опубликованных в ноябре 1947 г. (№ 3—4).

После образования КНР пропаганда русского языка в Китае приняла более широкие масштабы, причем главным организатором различного рода курсов выступило Общество китайско-советской дружбы, созданное 5 октября 1949 г. Согласно корреспонденции, появившейся в Шанхайском ежемесячном литера-

турно-художественном журнале “Шидай цзачжи” 1 января 1950 г. (№ 182) и возглавляемой “Китайская молодежь изучает русский язык”, Обществом было организовано три школы по подготовке переводчиков, в которых под руководством четырех преподавателей занималось пять групп слушателей. При этом автор статьи отмечал, что с Нового года начнет работать открывающийся при Народно-революционном университете факультет русского языка, ректором которого был назначен знаток русского языка Цзян Чуньфан, тогдашний редактор журнала “Шидай”, которого хорошо знал В.Н. Рогов. Для работы на указанном факультете были приглашены 12 русских преподавателей. Из 2200 абитуриентов после сдачи экзаменов осталось только 300 чел., допущенных к учебным занятиям, что свидетельствовало о строгом отборе будущих студентов.

Как видно из сообщения журнала “Шидай” от 8 марта 1950 г., 19 февраля в Шанхае открылся Институт русского языка, который возглавил проф. Цзян Чуньфан.

В октябре 1949 г. на территории столичного района — на полпути от Пекина до загородного дворца Ихэюань — возник аналогичный институт “Бэйцзинэюй сюэюань”. В него в феврале 1951 г. вошел факультет русского языка Института иностранных языков, а в июле 1955 г. — факультет русского языка Народного университета (“Жэньминь дасюэ”). По данным газеты “Дружба” за декабрь 1955 г. здесь обучалось около 5700 студентов, причем института включал в себя педагогическо-переводческий факультет и двухгодичные курсы усовершенствования. Кроме студентов в этом вузе обучались и аспиранты.

Помимо институтов русского языка в Пекине и Шанхае функционировали семь крупных учебных заведений с преподаванием русского языка. Примечательно, что уже в апреле 1954 г. в Харбине были открыты первые в КНР заочные курсы русского языка, о чем 22 сентября 1955 г. сообщила газета “Дружба”, поместившая статью под заголовком “Изучая русский язык, укрепляем дружбу [с СССР]”. К овладению русским языком настойчиво призывали молодежь руководители КПК и КНР, о чем свидетельствует, например, одна из подборок материалов на эту тему в газете “Дружба”. Так, призыв Чжоу Эньлая к китайской молодежи звучал так: *“Во имя строительства нового Китая налаживайте преподавание и изучение русского языка, усиливайте культурные связи с Советским Союзом”*. Интересным представляется и призыв Чжу Дэ, который обращаясь к педагогам, говорил: *“Улучшайте преподавание русского языка, с любовью выращивайте кадры знающих русский язык. Для нужд строительства в Китае готовьте кадры, способные правдиво пропагандировать передовой советский опыт в области политической борьбы, экономического и оборонного строительства”*.

На важное значение изучения русского языка в КНР в эти годы указывала и Сунь Цинлин, вдова Сунь Ятсена, игравшая важную роль в культурной жизни страны. Особенно интересна ее оценка первого номера газеты “Дружба” на русском языке (15 апреля 1955 г.): *“Выход в свет газеты “Дружба” на русском языке является одним из замечательных событий в области дружественных отношений между великими китайским и советским народами... Китайско-советская дружба основана на общности интересов наших двух стран и пользуется единодушной поддержкой наших народов... Эта дружба способствует общему прогрессу человечества и возведению [нашего] общества на новую, высшую ступень. Таково главное значение китайско-советской дружбы, являющейся великим вкладом народов Китая и Советского Союза в общее дело мира и прогресса человечества... Мы рады каждой новой силе, которая способствует нам в дости-*

жении дальнейших побед во имя этой дружбы. Вот почему мы горячо приветствуем “Дружбу” и желаем ей больших успехов”.

Высокую оценку пропаганде русского языка давал видный китайский общественный деятель — переводчик и пропагандист русской литературы Гэ Баоцюань, называвший Институт русского языка в Пекине любимым вузом китайской молодежи³.

Серьезный вклад в дело распространения русского языка в первые годы КНР внесло Общество китайско-советской дружбы. Об этом позволяет судить, например, корреспонденция из Пекина от 18 апреля 1950 г. о состоявшемся заседании Общества 17 апреля 1950 г. В его работе участвовали видные деятели КПК и общественные деятели: председатель Общества Лю Шаоци, вице-председатель Сунь Цинлин, Линь Боцуй, У Юйчжан, Го Можо, Ли Дэцюань (вдова Фэн Юйсяна), писатель Мао Дунь и поэт Эми Сяо. На этом заседании присутствовали в качестве гостей советские дипломаты, в том числе С.Л. Тихвинский. В данном сообщении приводилась следующая важная информация: “Общество организовало вечерние курсы русского языка, на которых в настоящее время занимаются 228 студентов, а также 37 вечерних школ русского языка в городах Северо-Восточного Китая”. Кроме того, школы русского языка, согласно указанной корреспонденции, функционировали в городах Баодин, Калган (Чжанцзякоу), Шанхай, Ханькоу, Кантон (Гуанчжоу), Ланьчжоу и Циндао⁴.

Надежным индикатором увеличения числа изучающих русский язык при отделении Общества советско-китайской дружбы служил рост численности этой массовой организации, объединявшей различные слои китайского населения. Об этом росте свидетельствуют приводимые ниже архивные материалы и данные тогдашней китайской и русскоязычной прессы КНР. Как сообщало 25 апреля 1950 г. агентство “Синьхуа”, за пять месяцев работы Общества (со дня основания) его численность увеличилась в 3 раза и оно насчитывало в своих рядах 20 749 тыс. (против 7 тыс.)⁵.

Согласно сообщению газеты “Новая жизнь”, в Шанхайском отделении Общества менее чем через два года число его членов <рабочих, крестьян и студентов> увеличилось до 609 497 чел., а к декабрю 1951 г. до 740 тыс., в результате чего каждый восьмой житель Шанхая являлся членом Общества⁶.

В Гуанчжоу Общество китайско-советской дружбы к концу сентября 1951 г. насчитывало 83 836 членов, в том числе рабочие составляли 29 037, учащихся — 22 847 чел.⁷

Эти факты дают представление о том, какую огромную роль играло Общество китайско-советской дружбы, численность членов которого к началу 1953 г., согласно неполным данным, опубликованным 10 апреля 1955 г. в газете “Дружба”, превышала 68 млн чел. Помимо Центрального правления общества в Пекине, в масштабе всей страны имелось до 2 тыс. провинциальных, городских и уездных отделений на промышленных, горнодобывающих и других предприятиях, в государственных учреждениях, учебных заведениях, кооперативах и других организациях. В программе обучения русскому языку активно участвовали центральные и местные органы радиовещания. Три раза в неделю после позывных Пекинской центральной народной радиостанции диктор объявлял: “Начинаем урок русского языка”. Регулярными курсами русского языка по радио, организованными пекинским Обществом китайско-советской дружбы были постоянно охвачены 8 тыс. слушателей, официально зарегистрированных.

Первые годы КНР ознаменовались появлением на книжных рынках Пекина, Харбина, Дальнего и других городов учебников и учебных пособий по русскому языку, посвященных разъяснению его грамматических форм и правил в научно-попу-

лярном изложении. Наиболее интересные работы были изданы Лю Цзэжуном (1892—1970), блестящим знатоком русского языка, получившим образование в Петербургском университете и в течение нескольких лет после Октября 1917 г. возглавлявшим Союз китайских граждан на основе подписанного В.И. Лениным мандата о соблюдении их гражданских прав. Еще в 1936 г. им была опубликована в Пекине грамматика русского языка (“Эвэнь вэньфа”), которая сначала появилась в г. Дальнем (Далянь) в 1949 г. Однако наиболее научно-разработанной публикацией Лю Цзэжуна по этой тематике оказалась его “Русская грамматика на русском и китайском языке” (“Эвэнь вэньфа”), вышедшая в свет в Пекине в 1950 г. в издательстве “Саньлянь шудянь”. Она состоит из двух частей: морфологии и синтаксиса, разбитых на параграфы, в соответствии с которыми даны правила и упражнения к ним. В 1956 г. под редакцией Лю Цзэжуна вышел в свет “Новый русско-китайский словарь” (“Э хань синь цыдянь”), изданный в Пекине в издательстве “Шидай” (“Эпоха”), за ним последовала публикация в китайской столице “Большого русско-китайского словаря” (“Э хань да цыдянь”), содержавшего 105 тыс. слов и выражений.

Ценное пособие по изучению русского языка под названием “Эвэнь фаньйи цанькао шуцэ” (“Справочник по переводу с русского языка”) подготовило и издало в 1951 г. местное отделение Общества русско-китайской дружбы в г. Дальнем и Порт-Артуре. В этом справочнике представлена широкая база данных для самостоятельной работы и консультаций.

Несколько ценных учебников и словарей по русскому языку вышло в 1952—1953 гг. в Харбине и среди них учебное пособие “Эвэнь юйфа вэньти цзедэ” (“Изучение русского языка в вопросах и ответах”). Оно появилось в серии “Эюй чзачжи цуншу” (“Коллекция материалов из журнала по русскому языку”). Значительно большее распространение в Харбине в начале 50-х гг. получили обычные популярные учебники под названием “Кэбэнь”.

К выборочно взятым, далеко не полным изданиям учебных пособий, изданным в КНР, следует обязательно присоединить вышедший в Пекине в 1953 г. (в издательстве “Шидай”) русско-китайский словарь (“Э хуа цыдянь”), составленный в Москве Чэнь Чанхао и Б.С. Исаенко (Исанькэ)⁸.

Уже в первые годы после образования КНР в связи с ростом политических, экономических и культурных связей с Советским Союзом процесс духовного сближения народов двух соседних стран, ступивших на путь тесного делового сотрудничества, пошел более активно и масштабно. Этому отчасти сопутствовала активизация в различных слоях тогдашнего китайского общества пропаганды русского языка, ставшего в Китае главным иностранным языком в деле технического перевооружения этой страны с помощью советских специалистов. Верными помощниками этих специалистов стали переводчики, в том числе приехавшие из Советской России, принявшие призыв китайской интеллигенции относительно более широкой и целенаправленной организации массовой кампании по овладению русским языком в филологических вузах и специальных языковых группах, организуемых центральными и местными организациями Общества китайско-советской дружбы. Среди приехавших в Китай было немало молодых талантливых китаистов, однако не каждый мог заняться столь сложной и кропотливой работой, какая требовалась при составлении того или иного словаря. Лишь наиболее опытные, с солидным стажем лексикографы могли взяться за подготовку такой работы, и в их числе — известный китаист-журналист Владимир Николаевич Рогов (1906—1988), выпускник Московского института востоковедения. Получив отличную языковую практику во время работы на КВЖД, в период японо-китайской войны он успешно выполнял обязанности корреспондента ТАСС в Шанхае в

годы японской оккупации⁹. После образования КНР он задумал составить словарь, столь необходимый для распространения русского языка, используя переводы произведений русской классики на китайский язык и переводы произведений известного китайского писателя Лу Синя на русский язык. О том, насколько тщательно и скрупулезно велась работа по составлению указанного словаря, позволяет судить приводимая ниже переписка В.Н. Рогова с членом редакции выходившего в Шанхае журнала “Шидай” русским эмигрантом Ю.А. Штраусом¹⁰, активным участником работы по составлению русско-китайского словаря до и после отъезда советского журналиста на Родину в 1951 г.

1. В.Н. Рогов — Ю.А. Штраусу (25 июля 1950 г., Пекин)

“... Самое главное заключается в том, что и составление и издание нашего словаря ведется кустарным способом при очень небольшом аппарате работников и при довольно низкой полиграфической технике... Пожалуй, это единственный словарь, составляемый в наше время не по карточкам, как это теперь обычно делается, а старинным способом — при помощи рукописей [касающихся] отдельных букв. Может быть, В.И. Даль уже мучился от этой старомодной системы, и после 40 лет работы над “Толковым словарем живого великорусского языка” пришел к выводу, что словари должны составляться по карточкам.

И все же мы не можем перепрыгнуть наши скудные возможности. Со всеми этими обстоятельствами приходится мириться и работать методами прошлого столетия...

Время от времени я буду Вам пересылать напечатанные на отдельных листах термины и отдельные примеры, относящиеся к разным буквам. Вместе с тов. Гу Юн-чжуном Вы сразу вносите их в рукописи и в гранки уже набранных букв. Это новое мероприятие мы ввели потому, что критика, которой были встречены первые две буквы нашего словаря, главным образом сводится к тому, что у нас в словаре мало или недостаточно современной политической, юридической, исторической и философской терминологии...

Посылаю Вам копию одного из отзывов, который я получил в Пекине. Это письмо от профессора русского языка в Пекинском университете Лю Цзэжуна, который в настоящее время по поручению китайского правительства приступил к переводу на китайский язык всех четырех томов “Толкового словаря русского языка” Д.Н. Ушакова. Должен с радостью отметить, что вообще все отзывы, которые получил [я] на первые две буквы, очень положительные. Конечно, есть и указания на наши ошибки, но лучше получить их раньше, чем после того, как словарь будет издан. Одно общее мнение во всех отзывах, и оно очень краткое: “Кончайте Ваш словарь!”

Мы решили закончить составление и редактирование нашего словаря не позднее 1 января 1951 г. ... Теперь нужно подумать над тем, как нам нужно работать в оставшиеся пять месяцев”¹¹.

2. Из письма профессора русского языка в Пекинском университете Лю Цзэжуна от 14 июля 1950 г., полученного В.Н. Роговым.

“Поздравляю Вас с близким завершением Вашего многолетнего труда по составлению словаря. По своему прошлому, неудачному, прерванному нашествием японцев, опыту вполне согласен с Вашим определением подобного труда, как “очень интересного, но очень мучительного”. Тем большее удовлетворение Вы должны испытывать теперь, когда доводите свою работу уже к завершению.

Я в эти дни очень занят — имею чрезвычайно мало свободного времени. Тем не менее я посвятил несколько часов беглому ознакомлению с любезно присланными Вашими гранками букв “А” и “Б” Вашего словаря.

Впечатление очень хорошее. Видна очень большая работа, проделанная Вами. Насколько можно судить по данным гранкам, это будет словарь, я бы сказал, “среднего объема”. В нем должно быть больше материала, чем в выпедшем в прошлом году словаре Го Цзинтяня¹². Да и словарный материал разработан в Вашем словаре полнее. Ваш словарь должен удовлетворить запросам не только начинающих учиться русскому языку, но и переводчиков литературы неспециального характера. Очень интересен данный Вами перевод многих пословиц и поговорок. Видно, что в этом направлении Вами была произведена специальная работа”¹³.

3. В.Н. Рогов — Ю.А. Штраусу (30 октября 1950 г., Пекин)

“Буквы “И” и “К” [следует] начинать набором после отливки бумажных матриц “А” и “Б”. Прошу Вас гранки набора делать на более широких листах, чтобы можно было уместить дополнения и поправки.

Да, конечно, [у нас] XIX век! Мы слабы технически, но еще более мы слабы грамотными людьми. Имейте в виду, что у нас больше всего работают китайцы. У них знание русского языка [чаще всего] книжное, [поэтому] живой русский язык они не чувствуют. [У Вас] тяжелая работа, но ее нужно довести до конца.

Прошу также выяснить, вставляются ли юридические термины на правах дополнений? И дополнения из моего письма? Все это нужно вставить [в словарь]! Непременно. Мне можно не присылать гранки с этими добавлениями.

Пока все. Жму руку

Вл. Рогов”¹⁴.

4. В.Н. Рогов — Цзян Чуньфану (10 марта 1951 г., Пекин)

“В заключение я хочу поставить вопрос о том, что пора уже приступить к составлению вводной статьи к словарю, в которой необходимо будет пояснить, во-первых, принципы, на которых наш словарь построен, и во-вторых, — как пользоваться словарем. Я думаю, что нужно одновременно поручить это дело тт. Гу Юнчжуну и Штраусу, а потом сравнить, что они напишут, и составить окончательный текст. Какое Ваше мнение?

Гранки буквы “А” с окончательным моим утверждением, вышло в понедельник, 12 марта”¹⁵.

5. В.Н. Рогов — Ю.А. Штраусу (10 июня 1951 г., ст. Маньчжурия)

“Как видите, пишу я Вам со станции Маньчжурия. Завтра будем в СССР.

...

Теперь о делах. Опять нет пока необходимости разъяснять китайским товарищам значение Вашей работы. Они это понимают... Прошу Вас продолжайте эту важную работу с тем же вниманием и ответственностью, как и прежде. Перед отъездом [из Пекина] я говорил с тов. Цзян Чуньфаном о дальнейшей работе над словарем, а также о Вашей роли. В частности, Вам придется досоставить недостающие четыре буквы Ч, Ш, Э, Ю. Вы будете у нас главным корректором, а [когда] дело подойдет к изданию [словаря], так, может быть, и техническим редактором. В связи с этим Цзян Чуньфан обещал увеличить Вам зарплату. Мы договорились, что ко мне в Москву Вы будете присылать два-три экземпляра гранок, сверстанных в листах. Я буду их показывать в Москве специалистам и после просмотра подписывать их к изготовлению матриц. Все материалы мне нужно пересылать через Пекин (через тов. В.А. Жилина), а из Пекина авиапочтой [в Москву]. Тот же порядок будет и для моей Вам корреспонденции. Нечего и говорить, что каждый раз нужно будет подтверждать получение ответственных материалов хотя бы коротко.

Ваша дальнейшая работа над словарем должна проходить под руководством тов. Цзяна. Он — изумительный человек, насколько молчалив, настолько же и отзывчивый....

Радости моей нет границ. Трудно себе представить, что через девять дней я буду в Москве... Между прочим, нашими первыми признаками приближения к Родине были харбинские бублики, совершенно такие же, какие мой дедушка привозил с базара, и на ст. Барим в первый раз за многие годы [я] увидел ландыш. Не шанхайский ландыш без запаха, а наш лесной ландыш с тонким ароматом подлинной нежности. Я не удержался и как девица купил у русского паренька большой букет...

Желаю Вам всего хорошего. Пишите и главное продолжайте Вашу важную работу над словарем.

Передайте привет нашему молчаливому певцу Валентину Павловичу [Жилину].

С товарищеским приветом

Вл. Рогов"¹⁶.

К сожалению, с отъездом В.Н. Рогова в 1951 г. в СССР на последующей подготовке столь важного для овладения русским языком пособия негативно сказались политические кампании в КНР, помешавшие окончанию работы над словарем. По словам одного китайца, сотрудника издательства "Шидай" в Шанхае (переданным с большим опозданием В.Н. Рогову через Ю.А. Штрауса), частично подготовленный типографский набор для словаря был уничтожен после общественного осуждения нового редактора, обвиненного в "коррупции" в период кампании борьбы "с пятью злоупотреблениями" (*у фань*). Помимо указанного факта в этой истории можно найти другие ее подробности в письмах Ю.А. Штрауса, мечтавшего написать мемуары о своем пребывании в Шанхае. Об этом позволяет судить его письмо от 17 сентября 1962 г., в котором сообщалось:

"Вчера получил Ваше письмо от 13 сентября. Благодарю за любезное доверие. При складывающихся условиях уверен, что воспоминания об издательстве "Эпоха" получатся. Даже несколько открытых данных о сроках Вашей работы... в издательстве делают предстоящую мне работу много яснее, не говоря уже о характере Ваших 8-ми вопросов... Считаю возможным сказать, что *прошедшая у меня на глазах жизнь издательства после передачи его КНР, с первых дней до моего отъезда из Шанхая (15 апреля 1955 г.) может ярко подтвердить, какое большое значение имело для наших китайских товарищей незримо политическое воспитание [со стороны] советского руководства, а отсюда недалеко до одного из основных факторов советско-китайской дружбы.*

В настоящий момент отвечу на Ваши 8 вопросов лишь в общих чертах, т.к. более основательное пояснение последует в дальнейшем, может быть, уже в виде фрагментов всей намечаемой мною работы:

...7. Как Вы работали в издательстве "Эпоха" после передачи ее китайским друзьям в июне 1955 г.? И 8. Какова судьба нашего словаря?...

С горечью вспоминаю дни, когда до меня доходили сведения о намечаемом его уничтожении (в металлическом виде матриц с готовыми страницами). Гранки до буквы "С" включительно, возможно, сохранились у моего китайского ученика (в Шанхае), которому я подарил их при прощании... Между прочим *у меня где-то в фотоархиве есть снимок: Вы с кем-то стоите возле памятника Пушкину в Шанхае. Надо поискать. Это и в самом деле яркая страничка прошлого...*

Если это письмо застанет Вас в Москве, обязательно пришлите мне, если можете, адрес останков "Эпохи" в Пекине. Я хотел бы обменяться парой строк с сестрами Сюй, и может быть с Е Шоу-фу. И поймите в виду, что мой ученик в Шанхае, которому я помогаю в работе и сейчас в переводах с русского на китайский и поддерживаю дружескую переписку) охотно наведет для меня [и Вас] вся-

кую справку в Шанхае. Он прилично владеет русским языком и хорошо английским (жена пишет ему по-английски).

Ну, пока все. *Счастливый Вы человек, которому судьба сохранила крылья. У меня же они, по-видимому, основательно подрезаны. Счастливого пути и всего доброго*¹⁷.

Таким образом, всегда преуспевавшему в делах журналисту Рогову из-за отъезда на родину в 1951 г. и последующей неблагоприятной истории в Шанхае с завершением своего русско-китайского словаря явно не повезло из-за политической кампании в КНР, но с подобной задачей блестяще справились Чэнь Чанхао и Б.С. Исаенко, которым при издании своего труда в 1953 г. в Пекине удалось в весьма корректной форме учесть самые несущественные замечания редакции “Шидай” ради сохранения основного текста оригинала, впоследствии получившего новую жизнь в народном Китае, где так остро ощущалась потребность в добротных учебных пособиях по русскому языку.

1. Подробнее см.: Хохлов А.Н. Журналист-китаист В.Н. Рогов в Китае в период антияпонской войны 1937—1945 гг. // Восточный архив. 2007. № 16. С. 79—86.
2. Там же. С. 62.
3. Дружба. 1955. 26 авг.
4. ГАРФ, ф. 5283, оп. 18, ед. хр. 129, л. 4.
5. ГАРФ, ф. 5283 [1950 г.], оп. 18, ед. хр. 129, л. 7.
6. Новая жизнь. 1951. 15 окт.; Новое слово. 1952. 2 февр.
7. ГАРФ, ф. 5283 [1951—1954], оп. 18, ед. хр. 145.
8. Подробнее см.: Борис Степанович Исаенко (1914—1965) — блестящий знаток китайского языка, талантливый педагог и замечательный переводчик-эрудит // Востоковедные чтения 2008: Тез. докл. науч. конф., 8—10 окт. 2008 г. М., 2008. С. 28—29.
9. Подробнее см.: Хохлов А.Н. Журналист В.Н. Рогов в Китае в период антияпонской войны (1937—1945) // Китайская философия и современная наука. М., 2008. С. 79—86.
10. Ближайшим помощником В.Н. Рогова в подготовке русско-китайского словаря был журналист Юрий Адольфович Штраус (1892—1963), работавший в течение более 40 лет в различных русских газетах России и Китая. Свою трудовую деятельность в периодической печати он начал в 1907 г. в газете “Голос Москвы”. В 1908 г. он состоял корреспондентом петербургской газеты “Новое время” в Тегеране. В 1909—1915 гг. его литературным сотрудничеством отмечены публикации газеты “Раннее утро”, “Русское слово”, “Утро России”. В 1918—1919 гг. он, находясь в Омске, был мобилизован правительством Колчака для работы в газеты “Русская армия”. В 1919—1921 гг. его корреспонденции появились в газетах “Новый путь” (Владивосток) и “Уссурийский гудок”. В 1921 г. он переезжает в Харбин, где до 1937 г. активно работает в местных русских газетах и журналах. В последующие годы жизни его литературная работа проходит в Тяньцзине и Шанхае, важных центрах российской эмиграции. В 1914—1946 гг. он издает журнал “Сегодня”, а с 1943 по 1955 г. работает в Шанхайском отделении издательства «Эпоха» («Шидай»), после чего в 1955 г. уезжает в СССР.
11. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 26—28.
12. См.: Го Цзинтянь. Э хуа цыдянь [Русско-китайский словарь]. Пекин. 1950.
13. РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 29.
14. РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 36.
15. РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 41—42.
16. РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 15, л. 47—48.
17. РГАЛИ, ф. 2266, оп. 1, ед. хр. 10, л. 1—5.